

Привет через восемь лет

Ил-был мужик у нас на заводе, **Иван Степанович ХМЕЛИНИН**. Был он из семьи середняков. Это значит, не из бедных, но достатка большого не имел. Семья большая, трудовая. Работать приходилось много, а достатку было мало. Но отец его, Степан, всё же выучил сына: окончил он четыре класса церковно-приходской школы. По тем временам, если человек умел читать и писать, уже считался грамотным. Но времена были лихие – революция, гражданская война, а после разлуха, заводы не работали. После засухи в 1921 году был страшный голод. Отца его угнали белые в гражданскую войну, да так он там и сгинул.

К тому времени было Ивану 13 лет. Вот и пришлось ему с малых лет зарабатывать на хлеб. А как заработать? Для взрослых мужиков работы не было, а тут подросток. Но, несмотря ни на что, рос он крепким, смекалистым парнем, физической работы никакой не боялся. В те времена земля кормила людей, если её правильно содержали и обрабатывали. Землю пахали, сажали картошку, редьку, репу, сеяли овёс да рожь, рубили дрова в лесу. А как заканчивалась посевная, мужики отправлялись в лес, собирались в артели и добывали кто камешки, а кто и золото. Известно, что земля наша уральская богата. Вот и пошёл Иван в старательскую артель, мужики копали шурфы, добывали песок и возили его на речку. А там, на речке, строили запруды, в середине делали проход для воды, и ставилась бутара. Бутара – это такой жёлоб из досок, в конце его клали железные листы с отверстиями, как большое сито, а под ними ящик. Вот открывают воду, она бежит по жёлобу, а в это время бросают песок. Вода размывает его и уносит с жёлоба, а когда проносит над ситом, то частицы, которые потяжелее, проваливаются в отверстия. Затем воду закрывают, снимают железные листы и смотрят, что же осталось в ящике и есть ли там золото. Если золото попадалось, то ямку эту, откуда песок брали, начинали копать ещё глубже, пока золото не закончится. Работа эта была тяжёлая: постоянная сырость, мокрота. А когда золота попадалось мало, артель распалась: кому охота работать задаром?

Года через четыре советская власть призвала Ивана в армию. К тому времени он окреп, вырос. Роста он был высокого, телосложения крепкого, в «полный рост» сажался; силушка недожинная. Определили Ивана в артиллерию, а туда брали тогда только крепко сложенных, и чтоб грамоте был обучен. Службу он проходил ездовым в Чебаркуле, а потом стал старшим ездовым. И то сказать: грамотным да смекалистым везде у нас дорога.

После армии присмотрел он у нас в городе девочку, росту небольшого, но красивая шибко да работающая была, из семьи Ильи Васильевича и Авдотьи Алексеевны Птухиных. Девчонка была в семье старшая, звали её Таисья. Семья у них была большая: за Таисьей шёл Иван, за ним Мария, а за ней Ольга. Жили они бедно. Илья Васильевич в 1921 году умер от голода, а без мужика семье приходилось трудно очень. Кормильцем и стал Иван Птухин, которому в то время 12 лет всего было. Работал он на своей лошади, то в артели старательской, то в лесу возил брёвна. Вот из этой семьи и взял Иван Хмелинин себе жену.

После гражданской заводы стали понемногу на ноги вставать, начал свою работу и химический завод. Всё водоснабжение состояло из прудов, из колодцев да ключиков. Чистота воды в прудах стояла на первом месте – это были питьевые водоёмы. Поэтому встал вопрос под-

питки Верхнего пруда водой из Глубоченского. Пруд этот построен ещё до революции, но вода из него в Верхний пруд не текла. Выполнив топографическую съёмку, определили, что устье реки Глубокой на восемь метров ниже уровня воды в Верхнем пруду. Тогда и решено было пробить тоннель-штрек. Вот на эту работу и пошёл Иван Степанович со своим конём. Работал он на совесть, грамотно вёл себя с товарищами, его уважали, за что и назначили десятником. Десятник повыше бригадира будет, как мастер по-теперешнему.

Работа была физическая, простая: грузи на телегу землю, которую вытаскивают из штрека, и отвози в лес подальше, чтобы не мешалась; грузили и подвозили крепёжный лес к штреку.

Иван мужик сообразительный был. Смотрит: вроде, песок пошёл. Он к прорабу: «Михайлыч, нельзя ли попробовать песочек-то этот промыть, вдруг да золото пойдёт». Тот недолго думал и говорит: «Попробуй, конечно, да только где ты воды найдёшь?». Чтобы промыть песок, воды много надо, а в пруду уровень воды очень низкий стал. А Иван в ответ: «Да ты только «добро» дай, а остальное я сам всё организую». Вот и устроили на речке Светлой запруду – раньше там золото мыли, запруда почти сохранилась, но золото не пошло, и забросили всё. С мужиками запруду подлатали немного и поставили там бутару, завезли песок, промыли его. На первый раз прораб сам всё посмотрел, но золота проба не показала, на что прораб сказал: «Нечего зря маяться – нет тут ничего, бросать надо». Иван с дружкой своим Василием вечером пошёл к старику, соседу-старателю, всё ему рассказал. Тот и говорит: «Ладно, завтра подойду к вам, посмотрю, что да как, а вы завезите песку побольше». Так и сделали. Когда поехали домой, каждую телегу загрузили песком, привезли к запруде, свалили – и в Полевской. Когда старик пришёл, посмотрел всё, дал несколько дельных советов, стали они промывать. Первые результаты ничего не дали, но старик не унимался: он, видите ли, нашёл следы какого-то металла, но золота определённо нет. Что делать: нет – так нет. Вот и оставили всё, а через неделю начали новый шурф бить, больше прежнего, метров 10-12. Иван мужичком сказал, как домой поедут, песок завезти по пути. Так и сделали, а вечером они с дружкой Василием остались промывать. Когда вскопали, серебристый металл нашли. Собрали его – и к соседу-старателю. Тот посмотрел, кислотой попробовал и определил, что нашли они платину. А платина дороже золота. Ещё старик сказал: «Платину я мыл только на Омутинке, а больше за всю жизнь не попадалась она нигде. Только сами посудите: вы песок достаёте с глубины 8-10 метров, невыгодно с такой глубины добывать». Посоветовались они с Василием и решили разобрать бутару, а песок туда попутно завозили и в кучу сваливали.

А когда Иван строиться стал, стали нужны деньги. К тому времени работы по штреку уже закончились, и перешли они на другую работу – лес стали возить. А по выходным соберутся с Васьюкой и на Светлую. Коней пустят пастись, а сами за работу – песок промывать потихоньку. Намоют – и к соседу-старателю. «Выручай», – говорят. Он снесёт в золотоскупку. Там, конечно, интересовались: «Где взял?». А он отвечал: «Да вот на Омутную сходил, намыл немного, а больше там нет». Вот на эти денежки и построил Иван добротный дом на три окна и даже швейную машину для своей Таисьи справил. А тут и ребятишки народились: две дочери, да три сына.

Ила семья небогато, но достаток был. Работать приходилось много и допоздна. Таисья на своей швейной машинке шила соседям и знакомым. Работавшая была женщина, везде успевала: и огород обрабатывала, и со скотиной управлялась, да и ребятишек надо было поднимать. Тяжёлое было время, а тут и война грянула. Забрали Ивана в армию. На прощание, уезжая, жене наказ такой дал: «Как бы тяжело тебе ни было, скотину не бросай, семью поднимай, ребятишек береги, а если совсем невмоготу тебе будет, перекрывай крышу». Крыша была тесовая. Уехал Иван на войну, а через год «похоронка» пришла. Погоревала Таисья, да куда денешься – жить-то надо. Двоих детей она похоронила, а троих, постарше, на ноги подняла. Закончилась война, жизнь потихоньку налаживаться стала. Но жить всё равно тяжело было, голодно. Выживала семья в основном за счёт коровёнки своей да картошки с огорода. А корову держишь, значит, сена надо накопить, а ещё привезти на чём-то. Лошадей у частников мало было, да и дорого это, а если не работаешь, где деньги взять? Вот и приходилось сено вывозить на корове. Сено-то вывезли, а корова молока не стала давать. А молоко как налог сдавали – ребятишкам совсем ничего не оставалось. Когда корова отелилась, решила Таисья бычка оставить – на следующий год подрастёт, и можно будет на нём сено и дровишки возить, а коровёнку не маять. Бычка оставила, а через год налог на молоко увеличили, говорят: «У тебя две коровы, значит, и налог плати больше». А тут ещё крыша прохудилась. Крышу не поправишь – дом испарится.

Пошла Таисья к брату своему: «Иван Ильич, выручай, крыша пропала, протекать начинает, может, поможешь?». – «Да ведь мне одному-то не справиться будет. Ладно, схожу к Павлу Ивановичу, вдвоём поможем тебе». Пришли вдвоём, крышу раскрыли за день. Когда дошли до переднего правого угла, увидел Иван пузырёк под стропилом, небольшой, но тяжёлый, трёхгранный, хорошо запечатанный. Открыли пузырёк, а там песок серебристый. Иван Ильич работал со старателями и сразу определил, что это платина. «Ну хватит на сегодня, пойдём обрадуем Таинку (так брат звал свою сестру)». Слезли с дома и кричат: «А ну-ка, Таинка, наливай бражки, привет тебе от Ивана Степановича принесли». «Да что, мужики, шутите?» – ахнула Таисья. «Нет. Вот какой подарок Иван тебе с ребятишками послал через восемь лет», – показал находку брат.

Иван Ильич знал, что платину и золото сдают в «Уралзолото», но для этого нужен договор (разрешение) на право раскопки, без такого договора посчитают тебя нарушителем закона. «Скажи, что нашла, что муж спрятал, а мы вдвоём подтвердим слова твои, но всем скажи, что мало нашла, иначе обворуют», – посоветовал Иван Ильич.

На следующий день Таисья Ильичична сходила и сдала платину в «Уралзолото». Там, конечно, объяснили: раз нашла – это клад, значит, и положено тебе 25%. Но и того, что досталось Таисье, хватило, чтобы крышу покрыть новым тёсом, налог заплатить да ребятишкам по штанишкам да рубашонке купить. Сказывали, что дружок Ивана Василий – поговорка у него была «масло в рот» – бывало, пропадал куда-то ненадолго, дня на два-три, а потом появлялся с деньжонками. Он не забыл, где они песок с Иваном свалили, вот и пользовался потихоньку, не жадничал. Но никому никогда ничего не рассказывал и не показывал, только в усы усмехался и говорил: «Да вот Бог послал».